

Понятие цифровых прав в России и за рубежом

Магистерская диссертация

НАПРАВЛЕНИЕ

Юриспруденция · цифровое право · сравнительное правоведение

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ФРАГМЕНТ

- Новизна и положения на защиту
- сравнительно-правовой анализ России, США и Европы
- авторская концептуализация цифровых прав
- плотные итоговые выводы

СМЫСЛОВОЙ АКЦЕНТ

«Цифровые права» рассматриваются не как изолированная категория, а через их связь с классическими правами личности и спецификой виртуальной среды.

Эмпирической базой проводимого исследования послужили материалы правоприменительной практики, в которых в том или ином виде содержатся тенденции толкования определённых норм, регулирующих вопросы реализации или защиты цифровых прав (в частности, Постановления и Определения Конституционного Суда РФ и другие).

Научная новизна исследования определяется системным подходом к концептуально-правовому осмыслению феномена цифровых прав в РФ и за рубежом. Научная новизна магистерской диссертации выражается в тезисах, выносимых на защиту.

1. В настоящее время отсутствует единство доктринальных и нормативных подходов к понятию цифровых прав в рамках концепции прав человека, при этом можно выделить два полярных подхода. Так, в рамках первого постулируется уникальность природы цифровых прав и невозможность их концептуального смешения с классическими субъективными правами личности ввиду принципиально иных признаков, специфического характера и структуры возникающих в связи с реализацией цифровых прав правоотношений (в частности, введением новых субъектов права и т. п.). В рамках второго подхода, который во многом можно рассматривать как концептуальный антипод предыдущего, презюмируется однородность природы цифровых прав с классическими конституционными правами личности, в связи с чем они определяются как цифровые альтернативы, по своему содержанию аналогичные (или, во всяком случае органично развивающие) традиционным, однако применяемые к особой категории общественных правоотношений – складывающихся исключительно в виртуальной среде с присущими ей характерными особенностями.

Из двух этих подходов, являющихся по отношению друг к другу до некоторой степени полярными и наглядно указывающих на отсутствие доктринального единства в российской юридической науке по вопросу о понятии цифровых прав в публично-правовом аспекте, наиболее симпатичным представляется второй подход, согласно которому цифровые права рассматриваются как цифровая альтернатива традиционных прав, включаемых в конституционный статус личности, являющихся неотъемлемыми и обеспечиваемых публично-правовыми средствами. При этом

принципиальным является именно акцентирование признака неуникальности их природы по отношению к базовым конституционным правам и гарантиям, т. е. явно выраженный институционально-деривативный характер (цифровой альтернативой они являются в том смысле, что не наделены самостоятельной онтологией и, соответственно, не могли бы существовать в отрыве от своих базовых прообразов).

2. Понятие цифровых прав как объектов гражданских прав в российском законодательстве к настоящему моменту также не унифицировалось, и доктринальный дискурс по данному вопросу продолжает оставаться актуальным даже несмотря на то, что законодатель закрепил нормативные основания дифференциации цифровых финансовых активов, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты как явлений, хотя и предполагающих некую кажущуюся «общность», однако существенно отличающихся по своей природе, правовым признакам и режиму регулирования. Соответственно, в данном контексте представляется принципиальной демаркация трёх базовых понятий: цифровые права, выраженные в виде цифровых финансовых активов, утилитарные цифровые права и цифровая валюта.

Совокупный анализ научных подходов и законодательного регулирования правового режима цифровых прав в РФ позволил обобщить их понятие в следующих формулировках:

-цифровые права, выраженные в виде цифровых финансовых активов, представляют собой особую категорию объектов гражданского права, а именно имущественных прав, представленных в виде электронных записей в распределённом реестре, основанном на технологии блокчейн и смарт-контрактах, и выступающих «токенизированным» аналогом классических финансовых инструментов (акций, облигаций, доли в капиталах, различного рода денежные требования и т. п.) и предполагающих специфический формат их фиксации – двоичный цифровой код;

-утилитарные цифровые права на уровне понятия могут быть обозначены как возникающие исключительно в пределах определённой инвестиционной платформы и закреплённые в информационной системе обязательственные права, а именно права требования реального исполнения – услуг, работ, передачи

товаров, а равно исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования – и предполагающие особую форму фиксации в виде цифрового свидетельства;

-цифровая валюта, в свою очередь, представляет собой явление с явно выраженной дуалистической правовой природой: с одной стороны, это полноценный объект гражданского права, представленный иным имуществом, находящимся в обороте и могущим выступать предметом сделок, а с другой – специфическое средство платежа или инвестиций, выраженное исключительно в электронных данных (цифровом коде) и содержащееся в определённой информационной системе (децентрализованном распределённом реестре), с ограниченным пределом применения и отсутствием централизованного организатора эмиссии.

3. Зарубежный подход к понятию цифровых прав как в публично-правовом, так и в частноправовом аспекте не отличается унифицированностью и на сегодняшний день не предполагает устоявшихся стандартов регулирования. Это в равной мере относится ко всем проблемным зонам, которые были подсвечены как в публично-правовом разрезе (например, формирование цифрового аспекта реализации конституционного статуса личности), так и в частноправовом (регулирование правовых режимов токенизированных цифровых прав, цифровой валюты, наследование виртуальных профилей после смерти пользователей). Хотя в ходе исследования и были выявлены определённые сравнительно-правовые особенности, их характер не предполагает возможности учёта зарубежного регулирования режима цифровых прав и его органичной интеграции в российское законодательство напрямую, то есть без надлежащей адаптации к отечественным реалиям как в социально-экономическом и политическом, так и формально-правовом (техническом) смыслах. При этом такая адаптация должна быть настолько радикальной, что сводится к минимуму сам смысл концептуально-правового заимствования.

4. С учётом отсутствия единства доктринальных подходов и нормативного регулирования понятийных основ правового статуса цифровых образов граждан, представленных виртуальными профилями в социальных сетях или на иных

интернет-ресурсах, предложено понятие виртуального профиля лица как *учётной записи (или совокупности таковых) пользователя в определённой информационной системе, содержащей идентифицирующую информацию о нём, включая персональные данные и иные дополнительные сведения, характер и перечень, а также порядок их обработки и оборота определяется и регулируется правилами этой информационной системы.* Предложенная дефиниция является наиболее общей и экстраполируется на все виртуальные профили вне зависимости от конкретной формы их выражения – аккаунт в социальной сети, на форуме, интернет-сайте, учётные записи в электронном кошельке, букмекерских конторах и т. п. Виртуальный профиль (цифрового образа) личности в онлайн пространстве является одним из объектов гражданских прав, выраженных в цифровой форме, и требующих особого правового регулирования, однако базовой предпосылкой для его разработки видится терминологическая унификация, чему отчасти и способствует предложенная дефиниция.

Понятие цифровых прав в России и за рубежом

Магистерская диссертация

НАПРАВЛЕНИЕ

Юриспруденция · цифровое право · сравнительное правоведение

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ФРАГМЕНТ

- Сравнительно-правовой анализ
- научная новизна и положения на защиту
- авторская концептуализация цифровых прав
- плотные итоговые выводы

СМЫСЛОВОЙ АКЦЕНТ

«Цифровые права» рассматриваются не как изолированная категория, а через их связь с классическими правами личности и спецификой виртуальной среды.

Здесь важно понимать, что конкретный способ реализации данной мягкой модели правового регулирования зависит от конкретной национальной юрисдикции и в наиболее общем виде можно выделить несколько различных подходов:

- применяется разработка и принятие новых НПА, вносящих изменение в действующее законодательство в части регулирования цифровых прав и ЦВ в частноправовой сфере, или разработка специального законодательства, регулирующего договорные отношения в виртуальной среде (отдельные штаты США, Италия, Беларусь);

- регуляторы разъясняют особенности применения действующего законодательства без его структурно-содержательного редактирования, но с учётом новых реалий, т. е., по сути, применение аналогии гражданского права применительно к смарт-контракту (такой подход можно увидеть в некоторых законах об электронных транзакциях Австралии и Новой Зеландии, а также законодательстве Индии, Великобритании, абсолютном большинстве стран Европы, в частности, Германии, Франции, отдельно можно отметить Японию);

- осуществляется прямое закрепление нового института цифровых прав в гражданском законодательстве (характерно для некоторых североамериканских штатов).

Что касается зарубежного подхода к регулированию цифровых прав на виртуальные профили и особенностях их включения в наследственные правоотношения, то и он к настоящему времени слабо стандартизирован.

Прежде всего, в решении данной проблемы, которая уже была осмыслена зарубежной доктриной и актуализирована правоприменительной практикой, существенную роль играет корпоративное регулирование. Так, различные онлайн-платформы в связи с появлением практики заявлений наследников о предоставлении доступа к учётным записям наследодателей, предпринимают действия по урегулированию данных вопросов путём установления новых условий в пользовательских соглашениях, и соответствующих функций по управлению учётными записями. Характерным примером является небезызвестная компания «Apple», в 2021 году предоставившая возможность своим пользователям, которые хранят информацию (фото-, видеоматериалы, текстовые документы, заметки и

другое) в iCloud-аккаунтах сервера, выбрать до пяти наследников, которые получат доступ к их учетным записям после смерти собственника аккаунта. Цифрового наследника («Digital Legacy») собственник iCloud-аккаунта может выбрать в настройках телефонного устройства компании «Apple» в одной из последних версий операционной системы компании¹. Наследники пользователей социальных сетей «Instagram»², «Facebook» и «Twitter» при условии подтверждения своего родства и предоставления свидетельства о смерти могут потребовать удалить «памятный» аккаунт умершего лица, поскольку пользовательское соглашение запрещает выдавать себя за других лиц. При этом в данном контексте предоставление доступа не тождественно понятию наследования аккаунта, что в контексте частноправового регулирования цифровых прав имеет определённое значение.

Интересный вариант корпоративного регулирования данной проблемы предлагает компания Google, где пользователи вправе прибегнуть к услугам помощи менеджера аккаунта «на всякий случай» (Inactive Account Manager), который может в специально оговорённых случаях автоматически удалить данные либо передать их доверенному лицу владельца аккаунта. В начале действия такого «виртуального завещания» можно установить конкретный срок, отсутствие активности в течение которого приведет к тому, что менеджер автоматически выполнит инструкции, оставленные владельцем – так, если пользователь месяц не пользуется социальной сетью или аккаунтом, менеджер может передать доступ заранее оговоренному лицу. Такой подход, согласно политике компании, обеспечит наиболее быстрый доступ к аккаунту в случае смерти владельца. То есть, по сути, оформляется «цифровое» волеизъявление для доступа к аккаунту, когда пользователь уже определяет судьбу доступа к нему и указанные им лица получают доступ к ресурсу до истечения срока для вступления в наследство.

Однако в зарубежных странах вопросы правового статуса аккаунтов урегулированы и национальным законодательством. Например, в некоторых штатах США аккаунты признаются равнопорядковыми объектами

¹ См.: Цифровой наследник: новая функция IOS. URL: <https://clck.ru/3RGw2a> (дата обращения: 06.01.2026).

² Прим. автора: компания «Meta» признана на территории РФ экстремистской организацией.

собственности: граждане могут завещать свои страницы в социальных сетях или получать их в порядке наследования. Отметим, что в США в 2005 г. был принят специальный закон о предоставлении родственникам доступа к электронной почте умершего (в штате Коннектикут)³. После этого закона в различных штатах начали появляться похожие законы, которые предоставляли возможность получать доступ не только к электронной почте, но и к блогам, социальным страницам. Так, в штате Делавер в 2014 г. был принят отдельный акт по наследованию цифровых активов и электронных счетов (в том числе аккаунтов) после смерти его владельца⁴, где чётко определяется порядок передачи доступа к электронной почте умершего, а также его аккаунтам в социальных сетях, облачным хранилищам. Помимо подобных специализированных законов, принят также закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» (DMCA), которым регламентируются в том числе вопросы нарушения прав на аккаунты в социальных сетях – пользователи могут отправлять жалобы в случае нарушения своих интеллектуальных прав на контент.

Кроме того, в 20 штатах США также принят закон «О фидуциарном доступе к цифровым активам» (FADA), который гарантирует физическим лицам право передавать цифровое имущество на законных основаниях. FADA и его расширенные варианты (UFADA, RUFADA, RFADA) – это законы, которые утверждались для единообразного применения законодательства в разных штатах. Такой закон, как FADA, важен, потому что с технической точки зрения в настоящее время онлайн-аккаунты и их контент не могут быть переданы, если пользователь умер, поскольку это обычно нарушает условия пользовательских соглашений большинства сайтов и социальных сетей. На протяжении многих лет людям приходилось бороться за право доступа к онлайн-аккаунтам своих умерших близких. Американской судебной практике известны случаи, когда близкие через суд получали доступ к аккаунтам благодаря использованию данного закона⁵. Так, М.М. Панарина обращает внимание на то, что в настоящее время «судьба наследования учётных записей в интернет-

³ См.: An act concerning access to decedents' electronic mail accounts. Public Act No 05-136. Substitute Senate Bill No 262. June 24, 2005.

⁴ См.: House of Representatives, 147th General Assembly House bill no 345. an act to amend title 12 of the Delaware code relating to fiduciary access to digital assets and digital account.

⁵ См.: Гринь Е.С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежных опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 128-134.

пространстве сейчас решается в зависимости от условий предоставления услуг в пользовательском соглашении. Последние суды в США показывают, что суды склонны защищать интересы наследников владельцев учётных записей (судебные споры в штатах Айдахо и Коннектикуте)»⁶.

В Германии, Эстонии к таким отношениям также применяется общий порядок. Так, в Германии рекомендуется использовать электронный накопитель для хранения информации о паролях к аккаунту; сам накопитель блокируется главным паролем, но основные пароли содержатся в рукописном документе, передаваемом на хранение нотариусу. Однако судебная практика по данному вопросу и в Германии неоднозначна. Так, Верховный суд в одном из дел пришёл к выводу, что аккаунты в социальных сетях следует рассматривать в рамках закона о наследстве так же, как дневники и письма, которые могут передаваться по наследству. Данное решение было принято по спору родителей умершей девочки и Facebook – социальная сеть не давала родителям доступ к социальному аккаунту ребёнка, ссылаясь на конфиденциальность, однако Верховный суд принял решение о передаче данных⁷. В Испании, например, принят специальный закон о защите персональных данных, в котором есть отдельная статья, посвящённая цифровому завещанию (ст. 96), где можно прописать лицо, у которого будет доступ к аккаунтам умершего⁸.

Резюмируя вышеизложенное, укажем, что в зарубежных странах регулирование цифровых прав и ЦВ, как и в РФ, не является стандартизированным и на сегодняшний день, по сути, всё ещё находится в стадии активного формирования. Вместе с тем, модель правового регулирования в США, безусловно, является одной из наиболее эталонных, однако важно понимать, что она сильно адаптирована под национальные социально-экономические и политико-правовые реалии, которые существенно отличаются

⁶ Панарина М.М. Наследование цифровых активов: как защитить свои цифровые активы в виртуальном мире? // Наследственное право. 2025. № 4. С. 18-20.

⁷ См.: Update: parents can access dead daughter's Facebook, German court rules. URL: <https://clck.ru/3RF84P> (дата обращения: 05.01.2026).

⁸ Ley de Servicios Digitales: Preguntas y respuestas. URL: <https://clck.ru/3RHhnd> (дата обращения: 06.01.2026).

от российских, в связи с чем прямая рецепция в данном контексте видится невозможной.

Однако нельзя не отметить, что именно американский законодатель первым уяснил необходимость концептуально-теоретического осмысления базовых понятий и институтов новой технологической конъюнктуры, в связи с чем отреагировал оперативным закреплением понятия ЦВ (в частности, криптовалюты), токена, блокчейна, смарт-контракта в нормах права. Другая обращающая на себя внимание особенность американского регулирования состоит в применении традиционного законодательства, регулирующего оборот ценных бумаг, к правоотношениям, связанным с токенами как особыми видами цифровых прав – в США во главу угла поставлено правовое содержание отношений, а форме их закрепления и выражения должного внимания не уделяется до тех пор, пока не изменится сама структура правоотношения (чего, что примечательно, американский законодатель в правоотношениях с оборотом токенов не усматривает). Отсюда Д.А. Павлова делает справедливый вывод о том, что «цифровые права в России обладают уникальной по сравнению с зарубежными правовыми порядками систематизацией и правовым регулированием. Они определяются как вид имущественных прав, не тождественный ценной бумаге, что свидетельствует о гетерогенности правовых систем разных государств в вопросах правового регулирования и определения»⁹. При этом в целом, как было показано, анализ зарубежных подходов к правовому регулированию ЦВ, возникающих в данном контексте, позволил выделить два основных подхода: разрешительный (ярким примером выступают именно США) и ограничительно-запретительный, в рамках которого национальные юрисдикции выражают неготовность признавать ЦВ полноценным объектом гражданских прав и чётко регулировать права, возникающие в связи с его оборотом (КНР).

Сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов в контексте двух представленных выше моделей позволил частично отнести РФ ко второй – модели с ограничительным регулированием цифровых прав на криптовалюту в

⁹ Павлова Д.А. Цифровые права как объект частноправового регулирования: автореф. дисс. ...к.ю.н. Санкт-Петербург, 2025. С. 13.

гражданско-правовом секторе, поскольку, во-первых, перечень цифровых прав чётко определён в законодательстве, не предполагает расширительного толкования и содержит узко ограниченные возможности реализации предоставленных субъектам правомочий (утилитарные цифровые права, ЦФА), при этом права на ЦВ урегулированы сравнительно хуже – правоприменительной практикой она признаётся иным имуществом, однако может выступать средством накопления и платежа.

Что касается зарубежного подхода к регулированию правового статуса виртуальных профилей граждан и характера наследования цифровых прав на них, то и здесь положение вещей пока не отличается устоявшимся регулированием как со стороны законодателя, так и со стороны доктринального осмысления. Однако, как и РФ, существенную роль в регулировании данного вопроса на сегодняшний день играет корпоративный подход – т. е. внутренняя политика конкретной организации, заключающей с гражданами пользовательское соглашение, одним из условий которого может быть урегулирование порядка наследования в случае смерти. Политика таких зарубежных корпораций, как Meta, Google во многом аналогична пользовательской политике отечественных аналогов – социальной сети «ВКонтакте» и др. При этом полноценным объектом гражданского права, который бы автоматически включался в наследственную массу после смерти реального владельца виртуального профиля, последний не выступает ни в законодательстве РФ, ни в законодательстве зарубежных стран. А возникающие в этой связи прецеденты решаются через индивидуальное правоприменение и, как правило, с условным «делегированием» судом спорного правоотношения корпоративному регулированию.

Понятие цифровых прав в России и за рубежом

Магистерская диссертация

НАПРАВЛЕНИЕ

Юриспруденция · цифровое право · сравнительное правоведение

ЧТО ПОКАЗЫВАЕТ ФРАГМЕНТ

- Итоговые выводы
- научная новизна и положения на защиту
- сравнительно-правовой анализ России, США и Европы
- авторская концептуализация цифровых прав

СМЫСЛОВОЙ АКЦЕНТ

«Цифровые права» рассматриваются не как изолированная категория, а через их связь с классическими правами личности и спецификой виртуальной среды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования видится необходимым структурно обобщить сделанные по ходу исследования выводы, отражающие его теоретическую значимость, определяющие научную новизну и свидетельствующие о полноте и системности анализа понятия цифровых прав в российской и зарубежной доктрине и законодательстве в контексте тех вопросов, которые были заявлены в содержании работы и для решения которых были сформулированы соответствующие цели и задачи.

1. В связи с цифровизацией общественной жизнедеятельности и активным проникновением информационных технологий в общественные отношения (в том числе и регулируемые нормами права), вся архитектура отечественной правовой системы оказалась перед необходимостью глубокого, концептуально-теоретического осмысления понятия цифровых прав и институциональных последствий его унификации и интеграции в российское законодательство. При этом важно подчеркнуть, что поиск наиболее оптимальных направлений формирования и развития понятия цифровых прав должен осуществляться в рамках концепции права человека, которая, в свою очередь, на сегодняшний день является парадигмальной основой правовой системы любого развитого государства.

Из двух выявленных подходов, являющихся по отношению друг к другу до некоторой степени полярными и наглядно указывающих на отсутствие доктринального единства в российской юридической науке по вопросу о понятии цифровых прав в публично-правовом аспекте, наиболее симпатичным представляется второй подход, согласно которому цифровые права рассматриваются как цифровая альтернатива традиционных прав, включаемых в конституционный статус личности, являющихся неотъемлемыми и обеспечиваемых публично-правовыми средствами. При этом принципиальным является акцентирование признака неуникальности их природы по отношению к базовым конституционным правам и гарантиям, т. е. явно выраженный институционально-деривативный характер (цифровой альтернативой они являются в том смысле, что не наделены самостоятельной онтологией и, соответственно, не могли бы существовать в отрыве от своих базовых прообразов).

2. Понятие цифровых прав в их публично-правовом аспекте в зарубежных правовых системах не отражается напрямую, хотя и, очевидно, имплицитно, при этом в зависимости от конкретных государств и их правовых систем подход к расстановке акцентов в понимании сущности данного явления может существенно отличаться. Так, например, концепция цифровых прав в американской правовой системе, в отличие от условного «европейского» нормативного подхода, формально не отражена ни в актах действующего законодательства, ни в судебной практике, однако на доктринальном уровне предполагает акцент на принципиальной недопустимости императивного государственного регулирования свободы самовыражения личности в информационном пространстве, что обеспечивается фундаментальной первой конституционной поправкой, выступающей столпом американской правовой системы. В свою очередь, для большинства стран европейского региона более характерно понимание цифровых прав как производного аспекта реализации права на информационное самоопределение (являющегося чуждым для российского законодательства), которое, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве структурно-концептуальной основы формирования явления цифровых прав для указанных зарубежных правовых систем. Вместе с тем, подход к публично-правовой компоненте цифровых прав в зарубежном законодательстве и доктрине до некоторой степени схож с российским в части распространения действия классических, традиционных конституционно гарантируемых прав и свобод человека и гражданина на виртуальную среду, где они получают особый контекст реализации, обеспечения и защиты.

3. Обзор частноправового аспекта цифровых прав в контексте их признания объектом гражданского права позволил выделить несколько наиболее актуальных точек приложения (а именно – регулирование ЦВ, токенов, ЦФА, а также вопрос о правовом статусе цифровых образов граждан, представленных виртуальными аккаунтами в социальных сетях и иных интернет-ресурсах в контексте их наследования) и сформулировать ряд промежуточных выводов.

В настоящее время понятие цифровых прав применительно к частноправовым отношениям не предлагает унифицированного содержания, о

чём свидетельствует актуальность доктринального дискурса по данной проблеме. При этом анализ нормативных положений частично свидетельствует об обратном – законодатель, как представляется, сформировал чёткие критерии демаркации между цифровыми правами (представленными ЦФА, а также утилитарными цифровыми правами) и ЦВ, закрепив соответствующие дефиниции и разграничив их признаки и правовой режим регулирования.

Исходя из проведённого анализа правовой природы данных понятий, можем сделать общий вывод о том, что в рассматриваемом контексте цифровые права представляют собой особую категорию имущественных прав, представленных в виде электронных записей в распределённом реестре, основанном на технологии блокчейн и смарт-контрактах, что, по сути, выступает «токенизированным» аналогом классических финансовых инструментов – акций, облигаций, доли в капиталах, различного рода денежные требования и т. п. с поправкой на специфический формат их фиксации – двоичный цифровой код. Такие ЦФА выступают полноценными объектами гражданского права, что непосредственно отражено и в самом ГК РФ (ст. 141.1).

Второй тип цифровых прав – утилитарные – обладает несколько отличной от ЦФА правовой природой и на уровне понятия могут быть обозначены как возникающие исключительно в пределах определённой инвестиционной платформы и закреплённые в информационной системе обязательственные права, а именно права требования реального исполнения – услуг, работ, передачи товаров, а равно исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования – и предполагает особую форму фиксации в виде цифрового свидетельства. Что характерно, действующее законодательство (Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ), в отличие от ЦФА, не содержит нормативно закреплённого понятия утилитарных цифровых прав, поэтому предложенное определение является концептуальным конструктом, сформулированным на основании анализа положений указанного акта.

Особое место в дискурсе о понятии цифровых прав отведено и ЦВ, которые обладают отличной от ЦФА и утилитарных цифровых прав правовой природой. В наиболее общем виде на понятийном уровне ЦВ могут и должны отграничиваться от

цифровых прав по принципиальному признаку отсутствия централизованного организатора эмиссии данных объектов, а также определённого обязанного лица, к которому обладатель нативной монеты ЦВ может предъявить требование (что само по себе ставит под вопрос теоретическую целесообразность отнесения данных правоотношений к правоотношениям обязательственного типа).

4. В зарубежных странах регулирование цифровых прав, связанных с криптовалютой, как и в РФ, не является стандартизированным и на сегодняшний день, по сути, всё ещё находится в стадии активного формирования. Вместе с тем, модель правового регулирования в США, безусловно, является одной из наиболее эталонных, однако важно понимать, что она сильно адаптирована под национальные социально-экономические и правовые реалии, которые существенно отличаются от российских, в связи с чем прямая рецепция в данном контексте видится невозможной. Однако нельзя не отметить, что именно американский законодатель первым уяснил необходимость концептуально-теоретического осмысления базовых понятий и институтов новой технологической конъюнктуры, в связи с чем отреагировал оперативным закреплением понятия криптовалюты, токена, блокчейна, смарт-контракта в нормах права. Другая обращающая на себя внимание особенность американского регулирования состоит в применении традиционного законодательства, регулирующего оборот ценных бумаг, к правоотношениям, связанных с токенами как особыми видами цифровых прав – в США во главу угла поставлено правовое содержание отношений, а форме их закрепления и выражения должного внимания не уделяется до тех пор, пока не изменится сама структура правоотношения (чего, что примечательно, американский законодатель в правоотношениях с оборотом токенов не усматривает).

При этом в целом, как было показано, анализ зарубежных подходов к правовому регулированию цифровых прав и ЦВ позволил выделить два основных подхода: разрешительный (ярким примером выступают именно США) и ограничительно-запретительный, в рамках которого национальные юрисдикции выражают неготовность признавать ЦВ полноценным объектом гражданских прав и

чётко регулировать цифровые права, возникающие в связи с его оборотом (КНР, Южная Корея).

Сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов в контексте двух представленных выше моделей позволил частично отнести РФ ко второй – модели с ограничительным регулированием цифровых прав и ЦВ в гражданско-правовом секторе, поскольку, во-первых, перечень цифровых прав чётко определён в законодательстве, не предполагает расширительного толкования и содержит узко ограниченные возможности реализации предоставленных субъектами правомочий (утилитарные цифровые права исключительно для инвестиционных платформ, ЦФА), при этом права на ЦВ урегулированы весьма специфически – правоприменительной практикой она признаётся иным имуществом, однако может выступать средством накопления и при определённых условиях и средством платежа.

Что касается зарубежного подхода к регулированию правового статуса виртуальных профилей граждан и характера наследования цифровых прав на них, то и здесь положение вещей пока не отличается устоявшимся регулированием как со стороны законодателя, так и со стороны доктринального осмысления. Однако, как и РФ, существенную роль в регулировании данного вопроса на сегодняшний день играет корпоративный подход – т. е. внутренняя политика конкретной организации, заключающей с гражданами пользовательское соглашение, одним из условий которого может быть урегулирование порядка наследования в случае смерти. Политика таких зарубежных корпораций как Meta, Google во многом аналогична пользовательской политике отечественных аналогов – социальной сети «ВКонтакте» и др. При этом полноценным объектом гражданского права, который бы автоматически включался в наследственную массу после смерти реального владельца виртуального профиля, последний не выступает ни в законодательстве РФ, ни в законодательстве зарубежных стран. А возникающие в этой связи прецеденты решаются через индивидуальное правоприменение и, как правило, с условным «делегированием» судом спорного правоотношения корпоративному регулированию.

В целом, подводя общий итог по проделанному исследованию, можно заключить, что тенденции информатизации существенно видоизменили (и продолжают менять) общество в целом и правовые системы, обслуживающие

потребности его членов, в частности. Соответственно, формирование концепции цифровых прав личности, как справедливо подчёркивает Г.Е. Волкова, могут рассматриваться как реакционный социоконструктивный институт, отвечающий на вызовы цифровых технологий и одновременно преследующий цель сохранения и защиты человеческой личности от их негативных последствий. При этом очевидны проблемы, с которыми вынуждены сталкиваться как правоведы-теоретики, так и законодатель с правоприменителем в условиях необходимости учёта нового измерения правового статуса личности – адаптация действующего нормативного регулирования различных сфер общественных отношений, хотя и имеет место, но протекает существенно медленнее, чем меняется сам мир под влиянием развивающихся технологических процессов. В результате правовые системы и РФ, и зарубежных стран находятся в роли догоняющего и нередко вынуждены реагировать на какие-то значимые метаморфозы в структуре правоотношений уже постфактум, что, конечно, снижает эффективность правового регулирования.

Таким образом, подчеркнём основной рефрен проведённого исследования, сводящийся к необходимости более тщательного и системно-концептуального осмысления феномена цифровых прав, прежде всего, в понятийно-теоретическом смысле, поскольку на сегодняшний день понятие цифровых прав находится если не в концептуальном вакууме, то, по меньшей мере, оставляет пространство для серьёзного развития и переосмысления в контексте перспектив его системной интеграции и в российскую правовую систему, и в правовые системы зарубежных стран (в которых, как было показано, положение дел в этой части также обстоит не намного лучше, и дискуссия о сущности и природе феномена цифровых прав не теряет своей актуальности). Развитие и унификация теоретических основ данного понятия позволили бы сформировать предпосылки для устранения наличествующих проблем, возникающих в связи с попытками выявить природу цифровых прав применительно к различным аспектам российской правовой системы (публично-правовой, частноправовой) и согласовать их, приведя к единому знаменателю.